

А. Л. Осповат

ТЮТЧЕВ И ПУШКИН: ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Литературные отношения, литературные оценки — не отношения и оценки литераторов. Они конструируются в ходе литературы.

Тынянов

В истории формирования темы «Пушкин и Тютчев» есть ключевой момент — начало 1920-х годов. Впервые печатно фиксируется встреча (столкновение) двух подходов — литературно-философического, восходящего к символистской критике, и научного (литературоведческого), выработавшегося перед революцией в Пушкинском семинаре С. А. Венгерова¹; причем на фоне методологической конфронтации бросается в глаза то, что вывод о противоположных поэтических установках Пушкина и Тютчева был едва ли не в равной степени заострен как в принадлежащем Вяч. И. Иванову обзоре современных «теоретических исканий» (увидевшем свет в 1922 г.)², так и в специальном исследовании Ю. Н. Тынянова (написанном в 1923 г., опубликованном в 1926 г.)³. Именно в это время тема вдруг актуализировалась в сознании многих и подчас весьма несхожих авторов: в дополнение к ряду печатных трудов (не полностью учтенных в пушкинской и тютчевской библиографиях) можно также указать на проектировавшуюся Евг. Лундбергом в 1922 г. в Берлине книгу «Пушкин и Тютчев»⁴ и на доклад И. Н. Розанова «Пушкин о Тютчеве», прочитанный 13 октября 1923 г. в московском литературном кружке «Никитинские субботники»⁵. Казалось бы, обстановка располагала к дальнейшей

и все более углубленной разработке данной темы, но этого не произошло. Даже напротив, тема постепенно элиминировалась из литературоведческого обихода, и только в 1960-е годы усилиями прежде всего Н. В. Королевой, К. В. Пигарева и издателей посмертного сборника Тынянова (куда вошла статья «Пушкин и Тютчев») она вновь обрела право на существование.

Настоящая работа (в предлежащем сборнике публикуется первая часть) посвящена наименее изученному ее аспекту — достаточно протяженным и отнюдь не бессобытийным, хотя и в значительной степени скрытым в «подпочве» литературным отношениям двух поэтов, которые не были знакомы и, по всей вероятности, никогда не видели друг друга⁶.

Статья первая

Ранние пушкинские опыты попадают в поле зрения Тютчева около 1818 г. На рубеже 1816—1817 гг. он становится слушателем маленькой домашней «академии» А. Ф. Мерзлякова⁷, профессора Московского университета и одного из членов-учредителей Общества любителей российской словесности (ОЛРС); по-видимому, по инициативе Мерзлякова 30 марта 1818 г. Тютчев, еще не достигший 15 лет, избирается сотрудником ОЛРС — вместе с поэтом С. Е. Раичем, первым своим наставником. Как раз в это время в «Трудах ОЛРС» печатаются три стихотворения Пушкина (с полной подписью): в конце января 1818 г. увидело свет «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 г.» (ч. IX, кн. 14), спустя три месяца — «Безверие» и «Гробница Анакреона» (ч. X, кн. 16)⁸. Обе публикации были осуществлены стараниями В. Л. Пушкина (тоже старейшины ОЛРС), который весной 1818 г. с гордостью разносил недавно полученное из Петербурга сообщение о том, что его племянник пишет «прекрасную» поэму («Руслан и Людмила»)⁹. Этот слух вряд ли обошел Тютчева стороной; таким образом, уже исходная ситуация могла сообщать оттенок некоторого соперничества отношению «юнейшего» московского дарования к «восходящему светилу» петербургской поэзии.

Информация о Пушкине в ту пору проникала к Тютчеву в основном по устным каналам, а общая картина складывалась из противоречивых и разнородных отзывов, поступавших почти одновременно.

Вполне возможно, например, что апологетическое суждение о Пушкине-поэте Тютчев услышал от В. А. Жуковского, приехавшего из столицы в начале октября 1817 г. и пробывшего в Москве до следующего лета. 28 октября 1817 г. он посетил дом И. Н. Тютчева¹⁰, а утром 17 апреля 1818 г. отец и сын Тютчевы нанесли визит Жуковскому, занимавшему келью в кремлевском Чудовом монастыре. Содержание состоявшейся беседы, тон которой был задан известием о рождении племянника государя (будущего императора Александра II)¹¹, сейчас не поддается реконструкции, но стоит отметить «странное сближение» — именно в тот день, 17 апреля, Жуковский восторженно писал Вяземскому об авторе послания «Когда младым воображеньем...»: «Чудесный талант! Какие стихи! Он мучит меня своим даром, как привидение!»¹². В этой связи привлекает также внимание фигура А. В. Шереметева, двоюродного брата Тютчева, с 1817 г. служившего в Петербурге. Есть все основания полагать, что уже в конце 1810-х годов он являлся истинным ценителем Пушкина (см. ниже), о чем Тютчев мог узнать из семейной переписки (до нас не дошедшей) и разговоров с Шереметевым во время его приездов в Москву.

Однако в московском ученом и литературном кругах циркулировали высказывания и другого свойства. Они отражали стойкое предубеждение относительно той среды, в которой воспитывался Пушкин; *лицейские*, на взгляд *университетских*, были недоучками и выскочками, новейшими петиметрами. Возникновению оппозиции «Московский университет — Лицей», легко проецировавшейся на фундаментальное противопоставление двух столиц, способствовало уже то обстоятельство, что в правах и преимуществах царскосельского заведения сразу оказалась уравненным с российскими университетами, между тем как программа и уклон преподавания сближали Лицей с Московским университетским благородным пансионом, получившим особые привилегии лишь в 1818 г. (Впрочем, инспектор пансиона И. И. Давыдов, действительный член ОЛРС и будущий университетский профессор Тютчева, посетив Царское Село в январе 1819 г., успокоенно констатировал превосходство своих воспитанников в большинстве дисциплин¹³.)

«Через несколько лет после того, как одни начали толковать о молодом Пушкине, некоторые все еще не верили его дарованиям...», — вспоминал М. Н. Макаров, далее резюмировавший претензии, выдвигавшиеся главным московским экспертом по части словесности: «<...> сам Мерзляков <...> не видал в Пушкине ничего классического, ничего университетского: а последняя беда для многих была горше первой»¹⁴. Здесь под-

разумеается не только сравнительно низкий образовательный ценз, но и отпадение, сознательное или бессознательное, от авторитетной научно-культурной традиции, носители которой предъявляли монопольные права на формирование литературной корпорации. (Ср. более чем настороженное отношение к Вяземскому, тоже не обучавшемуся в университете, — по словам Кс. А. Полевого, тогдашние московские «педанты и рутинисты» видели в князе лишь «светского человека, осмеливающегося быть писателем без ученого диплома и критиком без знания латинского языка и схоластических преданий»¹⁵.)

Недостаток в Пушкине «университетского» весьма тревожил и его старших друзей: в 1815 г. Жуковский, пристальнее присмотревшись к царскосельской обстановке, захотел на несколько лет «переселить» Пушкина в один из немецких университетских центров или в Дерпт¹⁶, воссоздававший их образ и подобие на русской почве. (В 1818 г., когда Пушкин, окончив Лицей, жил в Петербурге, аналогичное пожелание высказал Батюшков: «Не худо бы запереть его в Геттинген и кормить года три молочным супом и логикой. Из него ничего не будет путного, если он сам не захочет...»¹⁷)

Учитывая актуальность этой широко понимаемой темы для родителей многообещающего 14-летнего юноши, еще не зачисленного в учебное заведение, уместно предположить, что и она затрагивалась Жуковским в беседе с Тютчевым 28 октября 1817 г. и 17 апреля 1818 г. Возможно, последние утвердились в ранее принятом решении — осенью 1817 г. Тютчев начал посещать лекции в Московском университете в качестве вольнослушателя¹⁸.

Летом того же года Пушкин закончил Лицей, и если пребывание в нем возмещало поэту отсутствовавшее детство¹⁹, то неудивительно, что напоследок он изнывал в своем царскосельском затворничестве, мечтая навсегда избавиться от «плюсов, минусов, прав, налогов, высокого, прекрасного»²⁰. Конечно, в такой атмосфере не мог возникнуть вкус и тем более привычка к самостоятельным штудиям. Совершенно иначе рисуется нам ранний период тютчевской биографии. Уже изрядно подготовленный, осенью 1819 г. он поступает в Московский университет, где на первых порах выделяется ровными успехами и усердием. По наблюдению Н. В. Королевой, изучавшей учебные ведомости, «к 1820 году картина резко меняется»²¹: Тютчев манкирует большинством классов, оставляя в кругу собственных научных интересов исключительно гуманитарный цикл (лекции Мерзлякова, Давыдова, М. Т. Каченовского). На летних каникулах 1820 г. он укрепляет знакомство с М. П. Погодиным,

единственным, по-видимому, спутником его студенческих лет. Старше Тютчева тремя годами (и годом ранее поступивший в университет), Погодин шел в науку из социальных низов, твердо понимая, что лишь чрезвычайная работоспособность и граничащее с фанатизмом упорство — да и то при наличии благоприятных условий — дают ему надежду приблизиться к уровню Тютчева, чей интеллектуальный аристократизм его поначалу просто подавлял.

В беседах двух студентов, кратко отреферированных Погодиным в дневнике, сам он — чаще всего аккомпаниатор; возьмем за утверждение, что инициатива и решающий голос принадлежат здесь Тютчеву²². Первый из известных нам диалогов, состоявшийся 9 августа 1820 г. и отмеченный широким тематическим диапазоном («о немецкой, русской, французской литературе, о религии, о Моисее, о божественности Иисуса Христа, об авторах, писавших об этом...»), завершился обсуждением вопроса о скудости отечественных научных ресурсов. «Что у нас есть? Какие книги имеем мы от наших богословов, философов, математиков, физиков, химиков, медиков? — О прпятствиях у нас к просвещению»²³. «Об ограниченности в познаниях наших писателей (здесь имеются в виду все пишущие, в том числе ученые. — А. О.)» речь шла и 2 декабря 1820 г.: «Кто из них, кроме новейших, знал больше одного или двух языков? — А у немцев какая всеобъемлемость?» (с. 12).

Общий тютчевский негативизм в значительной мере питался раздражением по поводу характера преподавания «глуп(ых) профессоров наших» (там же; запись от 1 ноября 1820 г.), и в частности Мерзлякова, от которого его питомец требует освещения контактов русской словесности с западноевропейскими литературами, а также определения влияния «каждого писателя нашего» на ход ее развития (с. 11; запись от 13 октября 1820 г.). По-видимому, именно в этом контексте следует интерпретировать два неосуществленных намерения Тютчева, относящихся к 1820 г. В июне, пробыв в университете только год (из установленного трехлетнего срока), он испрашивает разрешение держать выпускные экзамены²⁴, и надо думать, что в тот момент Тютчев собирался продолжить образование, — через несколько месяцев после того, как его просьба была отклонена, в качестве оптимального варианта им рассматривается перевод в Дерптский университет (см. с. 12; записи от 25 октября, 5 и 29 ноября 1820 г.). Трудно сказать, сыграли ли тут роль (и в какой степени) рекомендации Жуковского, не устававшего пропагандировать данное учебное заведение родителям способных юношей²⁵, неизвестны и причины, по которым

поездка в Дерпт не состоялась (большие расходы, связанные с устройством всей семьи на новом месте²⁶); как бы то ни было, после вторичного ходатайства, удовлетворенного попечителем Московского учебного округа А. П. Оболенским, осенью 1821 г. Тютчев сдал выпускные экзамены и досрочно закончил университет кандидатом словесного отделения.

В это время ему было 18 лет — как и Пушкину в момент окончания Лицея. По образу жизни и стремлениям они едва ли не противоположны друг другу. Главная ценность для Пушкина, вырвавшегося из Лицея в Петербург, — ничем не стесняемая полнота бытия и постоянно обновляющихся впечатлений; на всё есть время и всё на виду, на слуху — стихи, дуэли, прения о высоких предметах, эскапады в театре, «дурные болезни». Жизнь молодого Тютчева отличалась гораздо большей упорядоченностью (он укоренен в семейном быту, и Погодин, впервые навестив Тютчевых в их подмосковной, подумал даже «о семейственном счастье»: «Если бы все жили так просто, как они!» — с. 10; запись от 9 августа 1820 г.) и гораздо меньшей публичностью: лишь по случаю он выступает в амплуа юного стихотворца, поощряемого руководителями ОЛРС. Главные эпизоды его внутренней биографии остаются за чертой видимости; зная себе цену, он ее не объявляет, разве что предоставляет возможность о ней догадываться. Этот налет высокомерия тоже зафиксирован в итоговой оценке, вынесенной Погодиным своему приятелю 23 января 1822 г.: «Тютчев имеет редкие, блестящие дарования, но много иногда берет на себя и судит до крайности неосновательно и пристрастно...» (с. 13).

Характер информации о Пушкине, доходившей до Тютчев-студента, лучше всего, наверное, уясняет замечание Вяземского, сделанное зимой 1820 г. накануне окончания «Руслана и Людмилы»: «Теперь его знают только по мелким стихам и по крупным шалостям, но по выходе в печать его поэмы будут искать на нем если не парик академический, то по крайней мере не первостепенного повесу»²⁷. Любопытно, что тема «молодого Пушкина» возникает в беседах Тютчева и Погодина действительно в связи с выходом «Руслана и Людмилы», но обмен сведениями о нем, почерпнутыми из различных источников, конечно, происходил и раньше. Так, Погодин мог сообщить ставшую ему известной подлинную (а не апокрифическую, как часто бывало) остроту Пушкина, произнесенную в доме Карамзина осенью 1818 г.: «Н. И. Тургенев (...) говоря о свободе, сказал: мы на первой станции к ней. Да, подхватил молодой Пушкин, в *Черной грязи* (название первой станции петербургского тракта. — А. О.)»²⁸.

Тютчеву должна была запомниться «славная шутка» — и потому, что сам он стремился к успеху в этом жанре, и потому, что его скептическому взгляду на вещи она соответствовала куда более, нежели либеральные декламации Пушкина. Показательно, например, контрастное восприятие греческого восстания 1821 г. Пушкиным и Тютчевым. В черновом письме В. Л. Давыдову (?) от первой половины марта из Кишинева (?) Пушкин делает акцент на том, что Александр Ипсиланти, стремящийся приблизить «час гибели для Турции», «счастливно начал — отныне и мертвый или победитель» принадлежит истории <...> завидная <у>часть»²⁹. Тютчева в эти дни занимают, наоборот, перспективы развития конфликта, и его прогноз далек от оптимистического; не склонен он и переоценивать роль непосредственных участников событий. «Целый народ <турок> выгнать <из Греции> трудно, — резюмировал Погодин содержание беседы с Тютчевым и В. Д. Троицким, состоявшейся 16 марта 1821 г. — Переезд целого народа чрез Мрамор<ное> море на новое жит<ье> будет занимателен. — Обыкновенные государи в наше время, обыкновенные министры, полководцы — и какие великие происшествия» (с. 12).

Летом 1821 г. Погодин передает одному из своих приятелей слух о том, что «Кишиневец», печатающий «новую поэму *Пленник*», «ускользнул к грекам»³⁰ (ср. в письме Пушкина С. И. Тургеневу от 21 августа того же года: «...если есть надежда на войну <с Турцией. — А. О.>, ради Христа, оставьте меня в Бессарабии»³¹); так облик молодого поэта, уже сформировавшийся в сознании Тютчева, мог дополниться выразительным штрихом.

Этот облик отчасти вырисовывается из стихотворения «Огнем свободы пламенея...» — единственного послания Тютчева Пушкину. Нам приходилось рассматривать некоторые аспекты данной темы в специальной работе³²; здесь же, чтобы не прерывать связное изложение, кратко обозначим ее основные пункты, дополнив их новыми. Как известно, автографы стихотворения не сохранились (текст восстанавливается по современным спискам, один из них носит заглавие «К оде Пушкина на Вольность»), а датировка его 1820 г., предложенная В. Я. Брюсовым³³, опирается на отмеченный в дневнике Погодина от 1 ноября факт разговора с Тютчевым о «молодом Пушкине, об оде «Вольность», о свободном, благородном духе мыслей, появляющемся у нас с некоторого времени...» (с. 12).

По мнению Н. В. Королевой, импульс к сочинению послания дало Тютчеву возмущение Семеновского полка 16—17 октября 1820 г., обсуждение которого отразилось и в дневнико-

вой записи от 1 ноября (частично приведенной выше), и в ее окружающих³⁴.

Тем не менее остается неясным, почему именно семеновская история подтолкнула Тютчева отозваться на пушкинскую оду. Как представляется, стимулирующую роль сыграло в этом случае другое обстоятельство. Не может быть сомнений в том, что «Вольность», созданная в 1817 г.³⁵, но начавшая широко распространяться в списках не ранее 1819 г.³⁶, стала известной Тютчеву уже к моменту поступления в университет или вскоре после того: копия оды безусловно циркулировала в биографически близкой ему среде преподавателей и выпускников Муравьевского училища для колонновожатых (где учились родной и двоюродный братья Тютчева) и их друзей; назовем имена М. Н. и А. Н. Муравьевых, Петра И. Колошина, И. Г. Бурцова и других. Сам по себе текст оды вряд ли побуждал Тютчева к отповеди — московский поэт вполне разделял ее конституционно-монархическую программу и, в частности, трактовку *вольности* как общественного состояния, подразумевавшего всеобщую и равную подвластность *закону*. Специфический, «революционный» смысл, который ода приобрела в конкретных условиях рубежа 1810—1820-х годов, Тютчев скорее всего не преувеличивал: с одной стороны, он был чужд антиправительственным настроениям, а с другой, не блокировался и с теми, кто видел в Пушкине рупор опасных для страны либеральных доктрин. Не своими стихами последний в тот момент «смутил покой граждан» и «омрачил блеск венца» — но некоей конкретной выходкой, резко диссонировавшей с пафосом собственной оды. Мы полагаем, что таковой являлась демонстрация портрета Л.-П. Лувеля (с надписью «Урок царям») в петербургском театре весной 1820 г.³⁷ Заколов герцога Беррийского с целью исключить возможность рождения следующего поколения Бурбонов, Лувель создал устрашающий прецедент чисто политического террора — к убитому он не питал личной неприязни. Тревога охватила и европейские дворы, и обывателей, и либералов всех оттенков, чрезвычайно дороживших наличием французской хартии, на основе которой правили Бурбоны (и которая предусматривала в том числе неприкосновенность царствующей фамилии). «Я о Франции плачу, как о родной, — писал Вяземский Тургеневу 20 февраля 1820 г. — <...> Теперь у нас ни калачом не выманишь конституции в России: разве отыскивать ее собаками?»³⁸

Возможно, что полученная Тютчевым информация о пушкинской эскападе наслонилась в его сознании на сообщение о процессе над Лувелем, помещенное в июньском номере

«Вестника Европы» за 1820 г.³⁹, к которому прилагался и портрет убийцы — «Черты злодея Лувеля».

Летом 1820 г. заметно обострилась политическая обстановка в Европе: восставшая Испания как бы передала эстафету Неаполю, и современники живо обсуждали предсмертное предсказание Мирабо о том, что революция закончится лишь тогда, когда обойдет весь мир⁴⁰. Эта ситуация актуализировала рефлексию тютчевского кружка над проблемой русского пути в истории. «<...> Я желаю, — записал Погодин в дневник 29 августа 1820 г., — чтоб наши перемены были сделаны без шума, постепенно... без всякого принуждения со стороны властей или чтоб у нас было не негодное подражание испанцам, которые с оружием в руках вытребовали себе конституцию и пр., но тихое, крепкое, основательное, всеми властями единодушно принятое торжественное постановление, долженствующее утвердить навек счастье России. Какая слава государю, который исполнит это»⁴¹.

Утопической картине, нарисованной Погодиным, весьма близка по духу заключительная строфа послания Тютчева, призывающая Пушкина не запугивать соотечественников призраком террора, беспощадного и к властителям, и к подданным, — но добиваться всеобщего умиротворения («Воспой и силой сладкогласья / Разнежь, растрогай, преврати / Друзей холодных самовластья / В друзей добра и красоты...»). На прагматическом же уровне речь идет о возвращении Пушкина к финальному постулату его оды: «И станут вечной стражей трона / Народов вольность и покой».

Традиционное толкование стихотворения «Огнем свободы пламеня...» главным образом акцентирует различие политических воззрений «умеренного» Тютчева и «радикального» Пушкина. Но как представляется, упрек Тютчева вызван ослабленным контролем Пушкина над своим социальным поведением, в результате чего провозглашенные им самим «благородные» понятия оказались отброшенными ради эстетически окрашенного, но сомнительного во всех прочих отношениях жеста. Для молодого Тютчева подобное в принципе неприемлемо: свойственные ему скепсис и ирония не афишировались за рамками узкого кружка; что же касается рассматриваемого текста, дозволенного автором к более широкому обращению, то в нем примечательна установка даже не на разумное и естественное — но скорее на идеальное мироустройство; отсюда — и предельная умозрительность декларируемых пожеланий.

Сказанное выше дает право предложить новую датировку тютчевского послания — лето 1820 г. Не исключено, впрочем,

что две его первые строфы, воздающие дань дарованию и «гласу твердому» современного Алкея, написаны раньше заключительного девятистишия и в них отразилось непосредственное впечатление от пушкинской «Вольности»⁴². Но даже если дело обстояло таким образом, показательно, что комплиментарному отклику на оду автор не присвоил статус законченного текста.

Согласно тыняновской точке зрения, в целом не поколебленной многочисленными оппонентами, на рубеже 1810—1820-х годов Тютчев как поэт — «архаист и по стилистическим особенностям и по языку»⁴³. Надо прибавить еще: и по литературным вкусам, о чем веско свидетельствует его оценка «Руслана и Людмилы». Беседу с Тютчевым о пушкинской поэме, вышедшей 10 августа 1820 г., Погодин впервые вел 6 октября, но содержание ее в дневнике не отразилось (см. с. 11); эта же тема была затронута и в разговоре, состоявшемся 1 ноября 1820 г.: «Говорил <...> с Тютчевым <...> Восхищался некоторыми описаниями в пушк<инском> «Руслане»; в целом же такие несообразности, нелепости, что я не понимаю, каким образом они <могли> притти ему в голову» (с. 12).

Хотя лаконичный характер записи не позволяет в точности представить мнения обоих собеседников, нельзя не согласиться с Н. В. Королевой, полагающей, что при любой трактовке приведенной фразы «очевиден оттенок отрицательности в отношении Тютчева к произведению»⁴⁴. Впрочем, по контрасту с сохранившимися высказываниями Погодина о поэме точку зрения Тютчева можно реконструировать с большей вероятностью.

Воспоминание Погодина о том, как на студенческой скамье он восхищался тогдашней новинкой — «Русланом и Людмилой»⁴⁵, вполне согласуется с его дневниковой записью от 13 августа 1822 г., сделанной во время перечитывания поэмы: «Что несообразного в «Руслане и Людмиле?»»⁴⁶. Создается впечатление, что Погодин продолжает диалог со своим приятелем (уже уехавшим из России), оспаривая самую формулировку упрека, прозвучавшего осенью 1820 г. Мы, таким образом, вправе подходить к цитированной записи от 1 ноября 1820 г. как к передаче именно тютчевского суждения, которое явно перекликается с целым рядом критических отзывов о «Руслане», публиковавшихся в сентябре—октябре 1820 г., но, кажется, более всего — с «Письмом к сочинителю критики на поэму «Руслан и Людмила»» (Сын отечества. 1820. № 38. 18 сент. С. 226—229). Автор его, Д. П. Зыков, руководимый П. А. Катениным (возможно, исправлявшим текст)⁴⁷, делал упор на несвязность повествования, немотивированность поступков героев; это была единственная рецензия на «Руслана», вы-

шедшая из лагеря архаистов, отчего она и привлекла к себе внимание Пушкина⁴⁸.

Подобно аналогичному отзыву о «Евгении Онегине» (о нем мы будем говорить ниже), высказывание Тютчева о первой пушкинской поэме характерно как раз вторичностью, несамостоятельностью, и это не должно удивлять: отмеченная нами интеллектуальная независимость юного студента, рано лишившая его иллюзий относительно воспитывавших его авторитетов (Мерзлякова и Раича), ощутимо сказывалась лишь в тех сферах, где был задан хотя бы минимальный уровень абстракции и обобщения; что же касается области конкретных оценок, то здесь мерзляковско-раичевский заквас давал о себе знать на протяжении всей его жизни.

Вскоре после того, как Тютчев составил себе некоторое представление о Пушкине по стихам, поэме и «крупным шалостям», он познакомился с человеком, близко и вольно с ним общавшимся. В самом начале 1821 г. из Кишинева в Москву приезжает В. П. Горчаков, выпускник Муравьевского училища для колонновожатых, служивший в Бессарабии. «В эти дни моего пребывания в Москве, — вспоминал Горчаков спустя тридцать лет, — я нередко видался с прежним моим товарищем А. В. Ш^кереметевы^м, который жил в Армянском переулке в доме своего дяди, И. Н. Т^кютчева^м, где имел случай встретиться с сыном его Ф. Т^кютчевым^м. Его замечательные способности, несмотря на юность лет, восхищали многих, в том числе и его преподавателя русской словесности С. Е. Раича, столь известного своими литературными занятиями».

Далее мемуарист воздал хвалу «проникнутым неподдельным вдохновением» «произведениям» «Ф. Т.» и даже пообещал напечатать кое-что из них, «и в особенности, те, которые случайно сохранились у меня в рукописи»⁴⁹. В другом месте мы разбирали ситуацию, подвигнувшую Горчакова в 1850 г. — при живом и дееспособном авторе — публично объявить о намерении издавать его стихи⁵⁰; сейчас отметим только, что какими-то списками тютчевских произведений он, безусловно, обладал: один из них увидел свет непосредственно в тексте его воспоминаний. Буквально за две страницы до рассказа о поездке в Москву находится рассуждение Горчакова о политических стихотворениях Пушкина, написанных «под влиянием современных умозрений, под влиянием общества разгульной молодежи (<...>» Все подобные произведения хотя и имели некоторый успех в рукописном обращении, не могли иметь и не имели успеха глубокого впечатления, как не проникнутые творческой силою убеждения самого поэта.

⟨...⟩ Но, однако, и этот отдел его произведений у некоторых не оставался без замечаний ⟨...⟩ из подобных предложу одно, написанное, как мне говорили, тогда же одним поэтом-юношею. Это стихотворение как-то случайно сохранилось в моих бумагах; за верность его списка не ручаюсь, но, во всяком случае, нахожу его замечательным».

И далее приводится крайне неисправный (в ряде мест до неузнаваемости) текст последней строфы стихотворения «Огнем свободы пламенея...»⁵¹

Горчаков, конечно, слукавил: из контекста мемуаров с очевидностью следует, что этот список восходит к родственному окружению Тютчева, причем имя автора, по-видимому, сразу было открыто. К. В. Пигарев, первым обративший внимание на интересующую нас публикацию, высказал напрашивающееся предположение о знакомстве Пушкина с данным списком через посредство Горчакова, вернувшегося в Кишинев в середине марта 1821 г.⁵² Это выглядит тем более вероятным, что последний принял сторону Тютчева. «В этих стихах, — читаем в его мемуарах, — как мне кажется, видны начатки сознания о назначении поэта, благоволительность направления, а не та жгучесть, которая почасту только что разрушает, но не творит...»⁵³

В том фрагменте воспоминаний, где Горчаков помещает короткую информацию о творчестве «Ф. Т.», говорится, что Пушкин «одним из первых» заметил его дарование⁵⁴. Начиная с конца 1830-х годов подобная формула подразумевала участие Тютчева в пушкинском «Современнике», и мемуары Горчакова, на наш взгляд, не составляют исключение — если бы в его памяти сохранилась реакция Пушкина на привезенный им в Кишинев тютчевский текст, он вряд ли бы отделался столь безличной констатацией. Можно полагать, однако, что Пушкин не остался безразличен к адресованной ему стихотворной реплике Тютчева. И под этим углом зрения решимся прочитать свидетельство очевидца, относящееся к кишиневскому периоду его биографии. В очерке А. Ф. Вельтмана «Илья Ларин» (примыкающем к его «Воспоминаниям о Бессарабии», но не входившем в состав мемуарных сводов, посвященных Пушкину) описан разговор о литературе, состоявшийся в 1821 г. за столом у М. Ф. Орлова. В присутствии хозяина, Вельтмана, Горчакова и И. П. Липранди Пушкин сердито отзывается о молодых поэтах, говоря: «большая часть из них пишут стихи потому только, что руки чешутся»⁵⁵.

Предполагая здесь косвенный намек на Тютчева, мы исходим из следующих соображений. Во-первых, сколько известно, в тот период Пушкин отнюдь не был в курсе текущих литера-

турных дел (кроме, разумеется, самых шумных) и о поэтической молодежи — кроме двух-трех имен, и в том числе Тютчева, о котором он узнал от Горчакова, — имел самое смутное представление; во-вторых же, это суждение фиксирует такую склонность к стихотворству, которая сопряжена с импульсами скорее внешнего характера, и тютчевский отклик на «Вольность», будучи текстом на случай (по поводу), вполне подходит сюда в качестве примера. Кроме того, оборот «руки чешутся» в устах Пушкина мог соответствующим образом характеризовать готовность автора послания вступить в полемику с высланным из столицы опальным поэтом — или даже «подсвистнуть» его высоким гонителям. Отдавая себе отчет в гипотетичности предлагаемой интерпретации беглого указания Вельтмана, мы вместе с тем считаем почти несомненным, что уже в 1821 г. в сознании Пушкина укрепилось имя московского поэта, дебютировавшего в роли его оппонента.

В начале февраля 1822 г., вскоре по окончании университета, Тютчев приехал в Петербург и определился на службу в Коллегию иностранных дел. В столице, где он пробыл до мая, Тютчев, по-видимому, теснее всего был связан с А. В. Шереметевым. В русле нашей темы существенно отметить, что Шереметев обладал незаурядной коллекцией пушкинских текстов. Его тетрадь, давно известная исследователям и имеющая статус весьма авторитетного источника (в ней «нет ни одного стихотворения из числа ложно приписывавшихся поэту (...) тексты стихотворений в тетради чрезвычайно высокого качества...»⁵⁶), заполнялась в течение 1820-х годов, но так как она содержит значительное количество произведений лицейского первого курса, а сам Тютчев представлен в ней эпиграммами студенческих лет⁵⁷, то надо думать, что последний уже до отъезда за границу был знаком с продукцией Пушкина в объеме, даже превосходившем требования репрезентативности.

Весной 1822 г. Пушкин решительно выдвигался в ряд главных литературных деятелей эпохи. Пушкин, «конечно, первый» между молодыми писателями, — замечал Катенин в «Письме издателю «Сына отечества»» 1 апреля 1820 г., — «но не огорчительно ли прочим оставаться в неизвестности?»⁵⁸. Все еще ходивший в «юных, многообещающих поэтах»⁵⁹ Тютчев мог с полным основанием принять эти слова на свой счет.

11 июня 1822 г. Тютчев уехал из России: не дождавшись, но и не ища славы, он направлялся в Мюнхен (заштатная должность при русской миссии в Баварии позволяла окунуться в немецкие светские и ученые круги). На следующий день последовало цензурное разрешение «Кавказского пленника»,

успех которого превзошел ожидания: «пушкинцами» (неологизм митрополита Евгения Болховитинова, образованный еще в начале 1820 г.)⁶⁰ стали читатели всей провинции.

Отъезд Тютчева в чужие края подводит черту под первой главой его житейской и литературной биографии; тогда же завершилась и начальная фаза его литературных отношений с Пушкиным. За недолгий срок уже обозначились контуры противостояния.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Чудакова М. О., Тоддес Е. А. Тынянов в воспоминаниях современника // ПТЧ. С. 100.

² См.: Иванов Вячеслав. О новейших теоретических исканиях в области художественного слова // Научные известия Академического центра Наркомпроса. Сб. 2: Философия. Литература. Искусство. М., 1922. С. 168.

³ См.: Тынянов Ю. Н. Пушкин и Тютчев // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1969. С. 166—191.

⁴ Книга была объявлена в проспектах берлинского издательства «Скифы», приложенных к № 1 и 2 журнала «Новая русская книга» за 1922 г., а также в «Летописи Дома Литераторов» (1922. № 3. С. 10). См. разбор «параллели» между «Maḡaḡia» Тютчева и «Пиром во время чумы» в его книге, вскоре вышедшей в этом издательстве (Лундберг Е. От вечного к преходящему. Берлин, 1923. С. 160—171). Несомненно, тема «Тютчев и Пушкин» освещалась и в «основательной» (по слову автора) монографии Г. И. Чулкова о Тютчеве, подготовленной к печати в 1921 г. (см.: Новая русская книга, 1922. № 4. С. 34; Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин, 1921—1923. Париж, 1983. С. 236). Ср. его более позднюю полемику с Тыняновым (Чулков Г. Стихотворения, присланные из Германии // Звенья. М., 1932. Т. 2. С. 255—267).

⁵ Упоминание о докладе см.: Свиток. М.; Л., 1924. № 3. С. 230. Отгослок этой темы см. в его очерке «Запоздалая слава» // Там же. М.; Л., 1926, № 4. С. 325—335; Розанов Иван. Литературные репутации. М., 1928. С. 50—62.

⁶ Существует (чисто теоретическая, впрочем) возможность того, что будущие поэты могли в раннем детстве случайно встретиться в Москве — до июля 1811 г., когда Пушкина увезли в столицу, а затем в Лицей (см. беллетризацию эпизода знакомства «Сашеньки Пушкина» и «Фединьки Тютчева» на детском балу у И. Д. и Е. А. Трубецких в кн.: Чагин Г. Тютчев в Москве. М., 1984. С. 16; ср.: Он же. Юный Тютчев и Москва // Куранты. М., 1989. Вып. 3. С. 135; Кожин В. Тютчев. М., 1988. С. 142). Впоследствии их маршруты долго не пересекались: Тютчев, насколько нам известно, впервые прибыл в Петербург 5 февраля 1822 г., и уже 11 июня отправился из Москвы в Мюнхен — к месту постоянной службы. Пушкин же до весны 1820 г. в Москву не выбирался, а 6 мая был выслан на Юг, где прожил до 9 августа 1824 г. Первый отпуск на родине Тютчев провел в Москве и Петербурге с 11 июня 1825 г. по начало февраля 1826 г. (когда Пушкин находился в Михайловском). Второй раз Тютчев пробыл в Петербурге с июня по сентябрь (?) 1830 г. С 18 июля по 10 августа здесь находился и Пушкин, который затем вернулся в Москву, откуда 2 сентября отправился в Болдино. Об этом коротком временном промешатке, когда Тютчев и Пушкин единственный раз могли встретиться, см. статью вторую. Третий приезд Тютчева в Россию относится уже к началу лета 1837 г.

⁷ См. письмо Мерзлякова П. А. Новикову от 3 июня 1817 г. // Рус. старина. 1879. № 10. С. 350; ср.: *Модзалевский Б.* Автобиография С. Е. Раича // Рус. библиофил. 1913. № 8. С. 25.

⁸ Не исключено, разумеется, и более раннее знакомство Тютчева с пушкинскими текстами — например, с републикациями стихотворений «Наполеон на Эльбе» и «Воспоминания в Царском Селе», появившимися в 1817 г. в ч. V и VI «Собрания образцов русских сочинений и переводов в стихах» (СПб., 1816—1817). Относящиеся к литературной биографии Пушкина даты, которые приводятся по указателю Н. Снявского и М. Цявловского «Пушкин в печати (1814—1837)», изд. 2-е, М., 1938 и «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» М. А. Цявловского (М., 1951. Т. 1; далее: Летопись), оговариваются только в особых случаях.

⁹ См., например, его письма П. А. Вяземскому от 17 апреля и 16 мая 1818 г. // *Вопр. лит-ры.* 1979. № 6. С. 151 (публикация А. А. Ильина-Томича).

¹⁰ См.: *Дневники В. А. Жуковского.* СПб., 1903. С. 55.

¹¹ См. стихотворение «17 апреля 1818», написанное Тютчевым ровно 55 лет спустя, а также: *Аксаков И. С.* Биография Федора Ивановича Тютчева. М., 1886. С. 14, 16.

¹² Рус. архив. 1896. № 10. С. 208.

¹³ «Наш князь (В. Ф.) Одоевский здесь был бы первый. Старших и не смею сравнивать» (из письма директору пансиона А. А. Прокоповичу-Антонскому от 9 января 1819 г. // Рус. архив. 1889. № 12. С. 547). Однако ореол, окружавший Лицей (благодаря пребыванию в нем Пушкина), сохранился надолго: Д. А. Милютин, учившийся в Московском университетском благородном пансионе в 1829—1832 гг., с гордостью писал, что последний «стоял наравне с Царскосельским лицеем» (*Бродский Н. Л.* {...} Из неизданных воспоминаний графа Д. А. Милютина // М. Ю. Лермонтов: Статьи и материалы. М., 1939. С. 8).

¹⁴ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1985. Т. 1. С. 46 (далее: ПВС. Т. 1). В свете указанной выше оппозиции полемический смысл обнаруживает реплика В. Л. Пушкина, которую приводит тот же мемуарист: «Увидим, топ сего, вот он поучится; mais, entre nous soit dit (но между нами говоря. — *фр.*), я и рад тому, что Александровы стихи не пахнут латынью и не носят на себе ни одного пятнышка семинарского» (ПВС. Т. 1. С. 47).

¹⁵ *Полевой Николай.* Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. Л., [1934]. С. 159.

¹⁶ См. письмо Вяземскому от 19 сентября 1815 г. // *Лит. наследство.* М., 1952. Т. 58. С. 33. Отметим здесь, что постановку дела в Лицее отличали непродуманные новации, о чем свидетельствует ретроспективный отзыв М. А. Корфа, использованный в романе Тьянова: «Нам нужны были сперва начальные учителя, а дали тотчас профессоров {...} до самого конца для всех продолжался какой-то общий курс {...} Лицей был в то время не университетом, не гимназиею, не начальным училищем, а какою-то безобразною смесью всего этого вместе...» (*Грот Я.* Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. 2-е изд. СПб., 1899. С. 225; ср.: «(...) лицей не училище, не университет, не корпус, (...) это, однако, и то, и другое, и третье, (...) пока бог знает, что это такое, а там, впрочем, будет видно». (*Тьянов Ю.* Пушкин. М., 1983. Ч. 1—2. С. 191—192).

¹⁷ Из письма А. И. Тургеневу от 10 сентября 1818 г. // *Батюшков К. Н.* Соч. М., 1989. Т. 2. С. 517.

¹⁸ См.: *Пигарев К.* Жизнь и творчество Тютчева. М., 1962. С. 16.

¹⁹ См.: *Лотман Ю. М.* Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя. 2-е изд. Л., 1983. С. 28.

²⁰ Из письма Вяземскому от 27 марта 1816 г. // *Пушкин*. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937. Т. 13. С. 3 (Далее: ПСС).

²¹ *Королева Н. В.* Тютчев и Пушкин // *Пушкин: Исследования и материалы*. М.; Л., 1962. Т. 4. С. 192.

²² См. в этой связи: *Осват А. Л.* Тютчев о Ломоносове (К стихотворению «Он, умирая, сомневался...») // *Уч. зап. Тартуского гос. ун-та*. 1987. Вып. 781. С. 127—128.

²³ *Лит. наследство*. М., 1989. Т. 97, кн. 2. С. 10. Далее все ссылки на эту, наиболее полную в интересующей нас части публикацию даются в тексте — с указанием страницы после цитаты.

²⁴ См.: *Королева Н. В.* Тютчев и Пушкин. С. 191.

²⁵ См. его письмо А. П. Елагиной, содержащее план дальнейшего образования И. В. Киреевского от начала 1824 (?) г. // *Рус. библиофил*. 1912. № 7—8. С. 95. В нашем же случае следует учесть и возможное влияние родственника и покровителя Тютчева графа А. И. Остермана-Толстого: зимой 1814—1815 гг. он квартировал со своим полком в Дерпте, где, в частности, познакомился с университетским профессором А. Ф. Воейковым (см. *Вацуро В. Э.* Почти неизвестный Тютчев // *Рус. речь*. 1989. № 4. С. 18).

²⁶ Указание на то, что в Дерпт «едут» Тютчевы, а не один Ф. И., см. в дневниковой записи Погодина от 25 октября 1820 г. (с. 12).

²⁷ Из письма А. И. Тургеневу от 25 февраля 1820 г. // *Остафьевский архив князей Вяземских*. СПб., 1899. Т. 2. С. 24.

²⁸ *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1888. Кн. 1. С. 68; ср.: *Декабрист Н. И. Тургенев*. Письма к брату С. И. Тургеневу. М.; Л., 1936. С. 267 (письмо от 13 октября 1818 г.). О датировке этого эпизода см.: *Летопись*. С. 163, 745.

²⁹ ПСС. Т. 13. С. 22, 24.

³⁰ *Барсуков Н.* Указ. соч. Кн. 1. С. 109.

³¹ ПСС. Т. 13. С. 32.

³² См.: *Осват А. Л.* Послание Тютчева автору «Вольности» и дело Лувея // *Великая французская революция и пути русского освободительного движения*. Тарту, 1989.

³³ См.: *Брюсов В. Ф. И.* Тютчев: Летопись его жизни // *Рус. архив*. 1903. № 11. С. 485.

³⁴ См.: *Королева Н. В.* Указ. соч. С. 199.

³⁵ Здесь нет возможности и необходимости входить в обсуждение проблемы датировки «Вольности». Мы относим ее, согласно устоявшейся традиции, к 1817 г. (см.: *Томашевский Б.* Пушкин. М.; Л., 1956. Кн. 1. С. 144—150; *Ланда С. С.* О некоторых особенностях формирования революционной идеологии в России. 1816—1821 гг. {...} // *Пушкин и его время*. Л., 1962. С. 112—113; *Цявловский М. А.* Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 66—81), несмотря на резкую критику (порой даже выходящую за рамки академической полемики) этой точки зрения в только что появившейся в печати (но уже давно анонсированной; см.: *Edgerton W. B.* Печатные работы Ю. Г. Оксмана // *Russian Literature*. 1973. Vol. 5. P. 34) статье Ю. Г. Оксмана «Пушкинская ода «Вольность», (К вопросу о датировке)» // *Проблемы истории культуры, литературы, социально-экономической мысли*. Вып. 5, ч. 2: Памяти Ю. Г. Оксмана. Саратов, 1989. С. 3—33. Аналогичные замечания и датировку оды 1819 годом см. в опубликованных ранее работах Ю. Г. Оксмана: *Агитационная песня «Царь наш — немец русский»* // *Лит. наследство*. М., 1954. Т. 59. С. 84; *Пушкин и декабристы* // *Освободительное движение в России*. Саратов, 1971. Вып. 1. С. 75). Впрочем, данная статья является первой частью монографического исследования (историографическим обзором), и оценить аргументы ученого в пользу датировки «Вольности» 1819 годом можно будет только после ознакомления со второй частью —

или ее *авторским* конспектом. Пока же обратим внимание на следующее соображение Ю. Г. Оксмана, которое не отразилось в тексте упомянутой статьи: в 1817 г. Пушкин работает над недошедшей до нас редакцией «Вольности», а летом 1819 г. «возвращается к старому замыслу и создает ту редакцию “Вольности...”, которая известна нам сейчас» (Окман Ю. Г. Пушкин и декабристы. С. 75).

³⁶ См.: [Гиллельсон М. И.] Из материалов к III изданию книги Н. О. Лернера «Труды и дни Пушкина» // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1962. Т. 4. С. 397—399.

³⁷ М. А. Цявловский довольно условно датирует этот эпизод 4—10 апреля 1820 г. (см.: *Летопись*. С. 210. Там же дан перечень источников, среди которых — позднейший рассказ знакомого Тютчева по университету Д. Н. Свербеева, переехавшего в столицу в 1818 г.).

³⁸ ПСС. Т. 13. С. 13. О реакции на это событие в России см.: *Пугачев В. В. Луи-Гьер Лувель и восстание декабристов* // Освободительное движение в России. Саратов, 1978. Вып. 7. С. 3—12.

³⁹ См.: *Вестник Европы*. 1820. Ч. 3, № 12. С. 291—311.

⁴⁰ См.: *Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина*. Кн. 1. С. 85.

⁴¹ Цит. по: *Королева Н. В. Тютчев и Пушкин*. С. 198.

⁴² В таком случае можно было бы говорить о любопытной аналогии между тютчевским посланием и пушкинской одой, заключительная строфа которой также приписана позднее (см.: *Томашевский Б. Пушкин*. Кн. 1. С. 170). Список этой строфы, сделанный Тютчевым, сохранился в архиве Погодина в ОР ГЮЛ (*Пигарев К. Жизнь и творчество Тютчева*. С. 27).

⁴³ *Тынянов Ю. Н. Вопрос о Тютчеве* // ПИЛК. С. 40. О полемике вокруг тыняновской концепции Тютчева см. там же. С. 410—414; *Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники*. С. 396—398.

⁴⁴ *Королева Н. В. Тютчев и Пушкин*. С. 187.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ *Цявловский М. А. Пушкин по документам погодинского архива* // Пушкин и его современники. Пг., 1914. Вып. 19—20. С. 67.

⁴⁷ См.: ПВС. Т. 1. С. 189—190 (воспоминания П. А. Катенина); *Томашевский Б. В. Пушкин*. Кн. 1. С. 349—350.

⁴⁸ См.: *Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники*. С. 138.

⁴⁹ *Горчаков В. П. Выдержки из дневника моих воспоминаний о А. С. Пушкине и его других современниках* // *Москвитянин*. 1850. Ч. 2, № 7. Апрель. Кн. 1. С. 194. В публикацию мемуаров Горчакова в ПВС (т. 1) цитируемый фрагмент не вошел.

⁵⁰ См.: *Осват А. Л. Заметки к литературной биографии Тютчева*. III. Тютчев и «Москвитянин» // *Лит. наследство*. Т. 97, Кн. 2. С. 500—502.

⁵¹ *Горчаков В. П. Выдержки из дневника...* С. 190—192. Ср.: ПВС. Т. 1. С. 272—273. (В этом издании цитата из Тютчева не идентифицирована.)

⁵² См.: *Пигарев К. Жизнь и творчество Тютчева*. С. 28—29.

⁵³ *Горчаков В. П. Выдержки из дневника...* С. 192.

⁵⁴ Там же. С. 194.

⁵⁵ *Моск. городской листок*. 1847. № 8. 10 янв. С. 30. (М. А. Цявловский относит этот эпизод к апрелю—декабрю 1821 г. // *Летопись*. С. 291).

⁵⁶ *Цявловский М. А. Статьи о Пушкине*. С. 61.

⁵⁷ Они были обнаружены Томашевским и Тыняновым, которые не знали, однако, о принадлежности тетради Шереметеву (см.: *Томашевский Б., Тынянов Ю. Молодой Тютчев* // Тютчевский сборник. Пг., 1923. С. 40—47).

⁵⁸ *Сын отечества*. 1822. № 13. 1 апр. С. 260.

⁵⁹ *Отч. записки*. 1822. Ч. 10, № 25. Май. С. 279 (отзыв И. Снегирева).

⁶⁰ Из письма В. Г. Анастасевичу от 5 ноября 1820 г. // *Рус. архив*. 1889. № 7. С. 378.

ЛАТВИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА

ТЫНЯНОВСКИЙ СБОРНИК

ЧЕТВЕРТЫЕ ТЫНЯНОВСКИЕ
ЧТЕНИЯ

РИГА «ЗИНАТНЕ» 1990